

G

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА

*Перевод с польского
Сергея Морейно*

ТИМОТЕУШ КАРПОВИЧ

Такой трудный лес

Русский Гулливер

Тимотеуш Карпович. *Такой трудный лес*.
Русский Гулливер, Москва 2019. – 114 с. (16+)
В основе книги лежит издание: Tymoteusz Karpowicz.
Dziela zebrane, tom 1-3. Biuro Literackie, Вроцлав 2011–2013

Руководитель проекта – Вадим Месяц
Составление и перевод – Сергей Морейно
Редактор – Мильда Соколова
Рисунок на обложке – Серж Палабо

Книга выпущена при поддержке польского “Института Книги” (Программа переводов ©POLAND) Права на публикацию любезно предоставлены Вроцлавским домом литературы

Тимотеуш Карпович (* 1921, Вильнюс: Зеленая; + 2005, Чикаго: Ок-Парк) – поэт, прозаик, драматург, переводчик; ведущий автор лингвистической поэзии, считающийся последним крупным модернистом, – also sprach Wikipedia. Строго говоря, и он писал “книги для всех и ни для кого”, ища повсюду и фиксируя stanów stan, т. е. “состояние состояний” (Норвид, “Пилигрим”): над, по-за, вне... В течение тридцати с лишним лет был связан с городом Вроцлавом, в котором, собственно, и похоронен. Для русского читателя его открыл выдающийся открыватель польской поэзии Андрей Базилевский (1957–2019). К сожалению, петли забыли смазать и дверь заклинило. Этот сборник – скромная попытка заглянуть в замочную скважину.

© *Copyright by Wrocław Literature House*
© Тимотеуш Карпович: *тексты, 1955–1999*
© Сергей Морейно: *переводы, 2019*
© Русский Гулливер: *издание, 2019*

ISBN 978-5-91627-216-1

ГОРЬКИЕ ИСТОКИ

- Исток¹¹
- Мы¹²
- Пожар¹³
- Любовь¹⁴
- Урок молчания¹⁵
- Лес¹⁶
- Награда¹⁷
- Метаморфозы¹⁸
- Отрезвление¹⁹
- Маски²⁰
- Имена²¹
- Болезнь²²
- Возвращения²³
- Цветы. Семь²⁴

КАМЕННАЯ МУЗЫКА

- Каменная музыка²⁵
- Человек сочиненный²⁶
- Ложная тревога²⁷
- Человек этот²⁸
- Суд²⁹
- Ошибка³⁰
- Перья³¹
- Тишина³²

Вертикали	33
Эскалатор	34
Мореходы	35
Человек	36
Трагедия	37
Ловитва	38
Никто не знает	39
Диалоги	40
Сновидцы	41
Утро	42
Черное и белое	43
Чувствительные	44
Эскиз на заре	45
Рыба	46
Границы бесконечности	47
Бегство птиц	48
Плавание ветви	49
Белая точка	50
Волшебная гора	51
Нож	52
Мертвый лов	53

ЗНАКИ РАВЕНСТВА

Победа	54
Охота	55
Пророк. Подсчеты	56
Ужас	57
Озеро	58
Древостой вод	59
Книга Экклезиаста	60
Зеленого леса звери	61
Тот самый июль	62
Считанный сохатый	63
Обороты	64

Олень⁶⁵
Сон карандаша⁶⁶
Урок молчания древа⁶⁷
Квадратура лица⁶⁸
Наопако⁷⁰

ВО ИМЯ СМЫСЛА

Во имя смысла⁷²
Порченный конь⁷³
Расписание движения⁷⁴
Дуб неидеальный⁷⁵
Мои ботинки⁷⁶
Стоячая туча⁷⁷
Трудный лес⁷⁹
Утренние двери в сад⁸⁰

ТРУДНЫЙ ЛЕС

Переход через красный лес⁸¹
Братья у огня⁸³
Беседа с Хаммурапи⁸⁴
Опоясывание на дороге⁸⁵
Рубка дерева⁸⁶
Подсвечники⁸⁷
Нагие и живые⁸⁸
Собственность⁸⁹
Ни с какой стороны⁹⁰
Нагота⁹¹
Закат телесный⁹³

ОБРАЩЕННЫЙ СВЕТ

Язычная сука⁹⁴
Круг любовного танца⁹⁵

Собачья звезда⁹⁶
Волчья кантата⁹⁷
Вечный эмиссар⁹⁸
Момент с единорогом⁹⁹
Вавилонские поставки мяса¹⁰⁰
Надгробная плита. Два ангела¹⁰¹
Дано на театре¹⁰²
Обращенный свет¹⁰³

ПОДКОРНЫЕ СЛОИ

Киснуший исток¹⁰⁴
История красной шапочки¹⁰⁵
Так хочет жить¹⁰⁶
Гашение сатаны¹⁰⁷
Будь осторожен¹⁰⁸
Чайка¹⁰⁹
Только улыбнись¹¹⁰

Исток

У меня
Златотканый шнурок
К башмакам, что при случае
Будут мне сшиты.

У меня
Уголок в сердце для житейских экстазов
В нем гнездится
Теперь житейская горечь.

Я
С орденом на голой груди
И в короне
Из планов —

Иду
Как будто несущие большие ведра
К истоку, что
Еще не проснулся.

Мы

Были
Раз горой
Где спит белый заяц.
Были
Прожилкой листа
Порыжелым
Билетом
В кино.

Тень от нас
С каждым днем
Я вижу всё более четко —
Тянется из
Биллиона точек
Этого мира.

Это нашим
Извозом заняты
Облака на небе.
Это нас
Сдувает со звезд
Птица своим
Пером

Это
В наироснейшей тени
На живом лепестке
Людского ока
Тень свою нелегка
Собственная
Творит
Слеза.

Пожар

Хлопьями огня
Сыпались на меня
Мирские слезы.

В огненном дожде я
Под навесом листка
Бумаги сидел.

Когда же вдруг меня
Пламя объяло,
Я думал — загорелась вселенная.

А это зашласть —
Бумага над головой.

Любовь

Верил:
Поцелованное дерево
Листвы не сбросит —
Листва опадает
С зацелованных
Деревьев

Рукой влюбленного
Приглубленная река
Не ускользнет —
В тумане она
Ускользает

Пейзаж у меня недотошен
В запахе или в цвете
Но я неизменно,
Неизменно люблю
Всё то что
Изменчиво.

Золотым мячиком
Передо мной неизбежная
Возлюбленная,
Хранимая
Земля.

Урок молчания

Бывало
Почти с хлопком
Сложит бабочка крылья —
Как сразу: прошу потише!

Едва лишь перо
Испуганной птицы
Луча вдруг коснется —
Как сразу: прошу полегче!

Так выучены
Были тихой ходьбе
По бубнам слоны,
По земле человеки.

Деревья в поле
Вставали неслышно
Так ужас волосы
На дыбы подымает.

Лес

Рухни в его подстилку
Словно огромная капля
Позволь по себе прошагать:

У дуба походка тверда,
У калины капризна,
У орешника сторожка,
У пихты суха
И у бука поступь
Непередаваема.

Не шевелись.
Словно ты лист этого леса,
Словно ты семя всех деревьев.

Награда

Он
Снес цветок топором —
За это был удостоен
Он деревом на спил.

Вот под ним стоит
Не сходя с места,
Дервянного креста
Свежий кавалер.

Метаморфозы

Так кем был тот пестрый паяц,
Который давеча
Читал «Капитал»?

Нет-нет, не паяц
И вовсе не пестрый.
Малая мышь
Сняла себе угол в колоколе,
Медный его
Язык вместо качелей.

А кем будет тот господин
Прудящий в реку
Заявляя:
Панта рей?

Нет-нет, не господин
Прудит нынче в реку
Заявляющий: всё течет.
Это звонарь с той башни,
Арендованной мышью.

Отрезвление

Насажены на булавки дыханий,
Распластаны в своих же зрачках
Мы день за днем на закате
Свидетельствовали чудо:

Малый гном речку
Переходил
Прямо по водной глади.

В руке его не было
Ни крестика,
Ни звездочки красной.

Только однажды всё,
Всё выходит наружу:
И он не ходил по воде,
Только ступал по лучу.

Дружно падали мы с вершин дыхания,
Икая покидали мы
Лопнувшие зрачки —

Уязвлены насмерть,
Прозрев навсегда.

Маски

Он снимал с живых еще лиц
Стихи наподобие посмертных масок
Так что живые от него убегали
Укрываясь солнцем.

А обращался: человеке без изъяна,
Человеке прямой,
Чистый как слеза —

В изумлении, когда манускрипт
Распался в пальцах.
Казался пронесенным
Он сквозь тысячелетия.

Имена

Романтично умершие
И цинично живые
Требуют именованья.

Тот, кто умер за чужой счет
И лишь по-своему жив,
Требует названия.

Оттого поспешно
Назначаем святых
И пускаем фарисеев ко дну
Седьмого ада.

После из их имен
Строим жилище
Одно удивляет крышу
Пробивают громы —

Убивают нас.

Болезнь

Зачесали мне волосы
Вставшие дыбом
Хотят усыпить
Очнувшийся во мне ужас.

Дали мне белую рубаху
Когда вовсе не смог
Распознать себя
В их темноте.

Прислали мне коляску
Для переездов
Когда подкашивает
Усталость мне ноги.

Смертельная моя хвороба —
В моих золотых
Заводится глист.

С открытым черепом сплю
Под нарисованным небом.

Возвращения

Боль и смерть при
Мне мои снова
Я очень этому рад.

Буду веселым
Разгуливать по саду,
Пестуя небезопасность
В собственном сердце.

Но что делать
Тем — бессмертным,
У кого ни сердца
Ни сада нету?

Ведь им точно так же
Сегодня предпосланы
Их собственная жизнь
И собственная смерть.

Цветы. Семь

Первый цветок высажен
На память
О голоде детства.

Второй цветок посеян
В память
Первой пощечины.

Третий мне о
Моих говорит
Бедах.

Четвертый, росный,
О бедах чужих
Говорит.

О чем скажут мне
Пятый, шестой,
Седьмой?

Идущие же по саду
Нет-нет да и
Встанут

Нюхая лепестки,
Уверены: цветы
Хороши.

Каменная музыка

Каменная музыка — давайте давайте припоминайте
дави нас души нас оставь безлистыми головы
Каменная музыка — отточенную не отточим лучше
Переливайся из чаши в чашу цветочную из слова в слово
выводи нас босых к туче
преломляй нас в стылых кристаллах
Каменная музыка выточена настолько
что вижу как в звуке ее каменеют птахи
до глубин сердца и до зеницы ока

Поиграем же побегаем вокруг пня вчерашнего утра
Поиграем же побегаем вокруг вчерашней тени
Ты свистни сорокалетний мальчишка когда
увидишь белую белку
Ты взвизгни когда увидишь рогатую лошадь
Поиграем же — слышите поиграем так побежали
исцеплены бородой ветра подхлестаны ста ручьями
Поиграем же ах поиграем —
превратимся же в играющий камень

Человек сочиненный

Ты на лицо мое не смотри —
сочинено оно

Штрих к мертвому штриху
развил саркофаг над собой
Полжизни своей увенчал совершенством:
даже кривому зеркалу
такого лица не выгнуть

Ты на речь мою не смотри —
сочинена и она
Свершил бесподобное дело:
избежал языка родного
Я в Вавилоне
сменил строй чернолесья
на синтеза речи
Куда уж легче летать без крыльев
Еще полжизни моей на это

Ты на локти мои не смотри
ты на ступни мои не смотри
ты к тени моей не присматривайся —
я себя сочинил
я человек сочиненный —
яблоко неопикуемой яблони

Ложная тревога

На крик
сбежались соседи
следом милиция
и скорая помощь

А улица шла чистым каменным руслом
ни крови на руках ни у кого
ни в сердце свинца

Что ж рассеялись
ложной оказалась тревога —

Не иначе как лишь кровь
и свинец являли для
них их боль

Человек этот

Человек этот
третий день
на перекрестке
с поднятой ногой —
забыл в какую ему нужно сторону и
окаменел

Надвинь ему на лоб бумажный колпак —
превратишь в шута

Заглянешь в его зрачки —
отпрянешь ужаснувшись

Суд

Судить зерно что не успело взойти
глупо

Судить иву что не успела заплакать
смешно

Судить человека что успел сломаться
жестоко

Вас в тоги рядящихся вправе судить
зерно непроросшее
человек сломленный
ивушка неплакучая

Ошибка

Налитый кровью глаз
пересохший от бега
рот — он искал воду

Люди добрые
тронутые его жаждой
указали серебряную пиллюю ключа
в биении лепестков

А он прильнул к струе
и вонзил в нее
грязные руки

Перья

Голубь пылкой
пулей задевший
с крыла на крыло
смерть свою мечет

Падают перья
на луга и доли
в крутые горы
в пенные реки

И плывут алые
Вислой Дунаем
ну а багровые
Волгой широкой

Легчайшие лег-
че чем лучи света тем
не менее земную
твердь проминают

Тишина

Тишина сосет землю —
В раскочевряженном бубне оврага
корешки эха сохнут
не могущие вдохнуть жизнь
даже в один выдох

В ужасе я в
руки вцепляюсь:
люди давайте же
вдохнем пусть и не по своей воле
забьемся пускай и не своим сердцем

Когда камни пробуждаются и вплавь
вместо птиц по небу —
давайте взмахнем пусть и не своими руками
лишь бы вздрогнул возле нас воздух

Вертикали

Под отвесные шумы леса
я выглаживал по лыку лыко
по стеблю стебель
по вспышке вспышку

Утопая в створе послед-
ней из вертикал-
ей я засек зоркую зеницу эфира:

Изо всех окрестных стволов
выбирались учителя танца
в руках гладкие трости

Белое к белому
трость к трости
врезались в плечо мне
в глаз и волос

И так танцевал я
за днями дни
за ночами ночи
в срубе колодца

Лес вздымал
свои зеленые крылья
как будто к полету

Не слышал я
как шипели
пни соприкасаясь
с людскими тенями

Эскалатор

Праздник вознесения
самобеглой лестницей
в облако цивилизации

Там и звезды для
девичьих
взглядов

и перчатки
для жарких
рук парня

Звезда прожигает
кожу
перчатки

Возжигают
девицу
жаркие руки

Безошибочно
перемещается
эскалатор

от пепла
и к пеплу

Мореходы

Мы ходим в розовых водах
минуя миндальные порты
Идем в кильватере у пяти кашалотов —
пяти лоцманов с пяти континентов

В тропиках подъедаем польскую гречу
на полюсе едим польскую перловку
польская копилка под Кассиопеей
подсвечивает фитильком конопляным

И всё еще в рейсе и всё еще гребля —
фонтаны пота
тотемы экстаза
на бригантине
дырявой бумажной

Человек

Солнце брызнуло ему в глаз
снаряд разорвался в сердце
Тонущему
влились в рот
толщи океанов
целого мира

А он поживает —
зрачком невредим
сердцем непроницаем
ртом живописен
Завтрашний день тема всех
разговоров

Трагедия

Желтое солнце над
волнами луч
простирает

Обметывает
им порожнюю
лодку

Всё в порядке —
на бережок ее выволоч
ветер

А люди в крик
видя предмет
свободный от человека

Ловитва

На самое дно тишины я забился
чтобы не стукались об меня звуки
Молчанием хочу расцвести
предвосхитить цветок предчувствием формы
как предвосхищает воздух
чистый гору большую

Предам ли я тем самым дело надежды любви
дома твоего и моего дома двери?

Хороший ловец искусно затаивается в тенетах
становясь частью зеленых дебрей
прорастает как бук папоротник или калина
И тогда крупный зверь к зеленой длани подходит
и падает от зелени этой

Присмотрись к тишине — бору она подобна
Надломишь ветку в ней — грянет что твой выстрел

Никто не знает

На склоне солнца
в щели незакатной
бродит малиновый лес

Лесом бегают влюбленная мышка
лесом случается голубика
над лесом луна прокаливает поясницу
над горячим очагом мухомора

И никто не знает никто и вправду не
знает зачем в малиновом том лесу
малинова-премалинова
дева брезжит
бедами
деревянными
поводит

Диалоги

Зеленая беседа —
лист о лист бьется
перворечь ключевая —
водотвор и кислород повстречались
С кем же соударился ты
что столь тяжко твое молчание
но столь легок
столь беззаботен
твой вопль?

Сновидцы

Мы кружим при свете месяца —
ловители атмосферных жемчужин
теплая рыба без плавников

Мы там где в смысле нет смысла
где лист равносителен планете
где знаешь вдруг сразу и столько

Вот только орбиты наши кривы
пыльцой соцветья
сбиты с путей-дорог —

сновидцы из четвертой дименсии
с тушей земной у ног

Утро

Над вывернутым наизнанку
сном присевшая дева
видит дерево вверх корнями и
птицу вверх ногами

Чтобы дерево взялось за ум и
пришла в себя птица
дева склоняет голову
опрокидывает мир

Тут на нее просыпаются
подлинные птицы
и непреложные деревья

пламенное солнце садится ей
в волосы

Черное и белое

Среди крон света
и корней ночи
матереет наш взгляд

Черные и белые люди
топчут нам то одну
то другую ладонь

Белые и черные звери
сенсительные
у нас волосы лижут

Влюбленные в четкость
целуем двойчатки глаз
вечных оттенков

Нет для нас ничего более
страшного
нежели

ежели вдруг серый
сук стукнет
в раму

Чувствительные

Живет чуткий
к обратной стороне света
к инверсии цветочно-древесной
он оплакивает надломленный луч
маргариткам бинтуя струпя

Яркой трубой мотылька
вспугивает пташек со сна
чтобы спать
самому на припеке тельца

Эскиз на заре

Тело всего теплее на заре —
пригретые лилии
и ожидание солнца
не сравнятся с теплом
стеблей рук и ног
овитых исчезающим сном

Нет такой ласки чтобы
ответить розовому челу
юноши спящего
и девушки спящей

О нет же не исчерпана до конца
величайшая радость —
проснуться с рассветом

Как не изжита до конца
величайшая боль —
умереть до рассвета

Рыба

Проплыла подо мной темная рыба
рассекла меня на две половины —
по обеим сторонам страшной кости
я стою и себя изучаю

Я ли это собирал розовые камни
рихтовал цветам глазки пусть смотрят ярче
целовал шмеля в опасливые глазки
проводил слепую мышку полевую
от зерна к зерну?

Я ли этот выжженный брандмауэр
мишень гаубицы и фаворит гашетки
точные весы для полусоттонных танков?

Кто из нас нужнее чтобы открыть калитку
ту в которую вбежала девочка с малиновой собачкой?
Ты ли это рыба страха золотая моя рыбка
выпавшая из ладошки в пучину мира?

Границы бесконечности

Безголовые короли снятся всё чаще Быть может по рассеянности показываясь мне в таком виде быть может я сам не охватываю взглядом всего экрана сна как порой не могу объять глазами надвигающуюся тучу

То что они короли я узнаю по их навыку избегать людей Никак мне вам этого не объяснить однако так оно и есть

За королями толпа несет их складное небо и складную землю Чуть позже я замечаю складных подданных выглядящих как перочинные ножи

Короли невозбранно приходят себе переходят уходят и не могут уйти Оттого слышны крики — виват бессмертным!

Стоит королям достичь потолка моего воображения как все кричат — да здравствует Нуну Первый!

А что это Нуну? А кто это? — лихорадочно спрашиваю последнего короля что уже склоняется над бесконечностью будто над ручьем вороная сталь аира Вижу злые глаза короля и слышу его рык: Нуну это время что грядет

Самое удивительное что это именно те короли которых не было но которые еще будут Назови я вам их имена — они ни на йоту не сделаются для вас понятней

Короли которые еще будут говорящие о времени что грядет во сне они помогают мне с постижением границ бесконечности

Бегство птиц

Всё хуже сбивается прицел взгляд не поражает нужную ветку
схватка стихий перед твоим домом не затихает
Бегут из комнаты тонко подобранные горы моря и реки
Бегут стрелки часов высекающие искры рутины

Меж карандашом и бумагой раскинулись степи
в них влывает туча В чернильнице аспидные штормы
С береговой линии то ли твоей ладони то ли
пляжа Ривьеры бегут малые птицы будто летучий
прах крыльев Икара Тех что ссыпаны в урну
из перламутра слезы твоей последней

Человек лучше бойся когда побегут птицы
Человек бейся лбом о мертвый камень
чтобы услышать в черепе шорох жизни
и увидеть искру гаснушим зрением

Плавание ветви

Плыть по суше плыть по воде плыть по ветру
Я буковая ветвь я десница дерева я надежда птицы
Выкликайте меня: зеленоперая дура кликуша
целуйте меня пока я плыву я не вернусь сюда

Мое последнее плавание. Ну и кто же мне поверит
Сказать леснику — сплюнет и займется делами
Но ты вглядывайся поэт я и вправду плыву по суше
я и вправду люблю круги брошенные стрижами на ветер

Где зарыты горловина ручья и око в завтрашней кроне
где ветер еще не ощутил себя — а уже знает облик дуновения
где страсть имеет форму листа а речь ведут в форме лани —
в смертельном стремлении я стойко плыву навстречу
на жестком плече кого-то кто держит топор в ладони

Белая точка

О седовласая звенят звенят твои ноги по белой дороге
Ты всё молодеешь. Вот умирает твой муж
Строй баночек пахнет континентальным шлейфом
Ты ли это не объявился однажды ночью? Зато анонимка:
рыжеволосая любовница тает под его взглядом
Родится людская звездочка — в белом нимбе чепчика
горит сквозь многие дни мигает мигает гаснет
Под дикой розой лежат перчатки
Ты целуешь меня в недоуменные губы
И больше нет тебя Розовый котик цок-цок
костявой улицей Большой цветок вносят в город
Окно распахнулось или же зрачки мамы?
Как это стало — кем пролистана твоя
жизнь книгой с конца? Кем стянут твой белый волос
в точку в которой всё-всё лишь белый туман?

Волшебная гора

Не приходят дважды:
клинопись птичьего крыла в небе
дерево с округлым эхом посередине
упорство френча и бунт искры
первое странствие жаркой постели
первая река с кудрями Офелии —
не приходят дважды в нашу
карманную жизнь
упрямы в своих исходах
как мы в пришествиях

Оттого поцелуи преходящему:
березкам ног капустницам ладоней
шлюзам глаз откуда выходят
с колокольчиком в сердце или киркой в мозгах
лазоровым коням по воде бредущим
воздушной турбуленции всех земных взглядов

Мефисто ты не дразни нас бессмертием
На вот тебе сережку в ухо и облако в руку —
это они недолговечны они преходят
а мы глядим на это с большой горы серебристой

Нож

Точная и суверенная красота его хребта —
ледяная струна вдоль которой вьются цветы магнита
скелет кровавой пьесы костяк трапезы остов стружек
сухожилие синева шина механизма текущего дня
шансы на прободение невесомой диафрагмы
растянутой от нашей кухни и до Латинской Америки
созвездия овнов созвездия клопсов обиходы прекрасных душ
замаскированных под помидоры
убогая фантазия голода студень ручеек плача
разрез глаз в направлении ломтя хлеба
язык из одного слова бормотание стали
благовест к мертвой лавине горло земное рвушей

Стойко шутим над ней а стоит ей пройти над нами
в располовиненной кухне отплыли бы мы за моря мирной
бритвы

На желтом поле и под желтым солнцем
забывшие полюса своих притяжений в мешках
с картошкой —
тянулись бы от травины к травине от древа к дереву от
бога к богу
не зная что бы нам вспомнить и о чем бы важном спросить

Мертвый лов

Прежде чем соединить бег лошади со сном дятла
снабдить звуки руками и глазами глубинную рыбу
прежде чем обустроиться во всхлипе ребенка и
в урчании камня
поэт пишет слова величиной с кольца Сатурна
вешает их на копыта коню и в грезе усталой птице

Когда ж по дороге с мертвого лова домой влечет
космический невод
колос на меже его валит с ног шпыняют простые снежинки
Поэт изумляется правит попорченные слова забывается
в свете апельсина
и плачет — слезы взрываются меж созвездий

Тогда в океан небес выплывает величайший из китов
светящийся стылый
лениво разгоняет хвостом мелкие звезды а те что покрупнее
плотает
Всё ярче разгорается взгляд его внутренним блеском
он походя разрывает невод и гибнет

Поэт пробуждается — в ушах еще шум китовой крови
видит диск света вскакивает и пишет величайшее слово
Кажется ему что летал над ним райский птах поэзии
с золотым зерном в клюве но сесть ему некуда было

Победа

внутри себя самого я сумел заточить ее
входя в реку — по самую золотую шею
погружаю ее тело в нетерпеливую воду
ударяя ногой в острый камень слышу
как она дергается и поджимает ногу
ее теплые волосы спутаны сном
от моих волос напрасно ищут спасения

покорна — лежа во мне но что ни ночь
распалается с пеной у рта под сердцем
тогда достается мне камень взбешенный
река же пламенем мои глаза застигает
цветик полевой кусает меня так свирепо
что я тихо вою хоть это я победитель

Охота

обложены собой
внутренних псов кормильцы
в слишком узком лесу
ожидаем рассвета

мы преисполнены самости и дичи
как этому и должно быть в час охоты
вслушиваемся чутко сквозь наше ухо не
выскочит ли соболь пушистоволосый

на заре
выйдут из нас к водопою
хладноломкие светящиеся олени
тогда станем стрелять в их абрис горячий
в своей собственной тени удобно лежа
чтобы пуля за пулей
расслабиться хоть
немного

Пророк. Подсчеты

подложи пророка
под ножку стола
если стол твой
осатанеет

прижги ему пятки
картофельные
поджаривая
олады

в бочонке долго
по обручи глаз
заквашенных слов
не стоит

и на тебе
пророк
на любой вкус
горшком
ведрами

Ужас

ноздри набухшие запахами
языки набрякшие вкусами
глаза сбитые красками
кровь своими корнями вросшая в камень
жаркие кряжи в волосах
рыбы рек вставшие раком
птицы скворчащего воздуха
предчувствия раскаленное лавы
ненасытности бездны
откровения в треснутых черепушках
огнистые буруны на запекшихся висках
стрелки подвижны пламенем
подушки набиты пыльной бурей

меня же ужасает обездвиженная рука
на обескровленном бумажном квадрате

Озеро

вот озеро что не упомянуто всуе
око глядящее из чаш незамутненных
шепот зеркалами утопленных манекенов
чуешь как плывут подкожно и плоско
меж холодным стеклом и своим отражением
в зеленое ухо мира набосо день вступает
земля подбирается к поверхности звука
трещат тонкие скрепки нотного стана
пожара не было — пожар лишь будет
застелем белизной летучие плечи
под первыми каплями огневого ливня
еще не в той степени мы сегодня наги
не тронем седую лань или ласку
которые побегут по озеру завтра
расщепят мироздание на огонь и тело
ну а нам воздев зажженные руки
впору возложиться на грядущее пламя

Древостой вод

древостой вод в шаге от исчезания
вода зацвела на разрывах жил водных
всплывает каменюка недолежавший
всплывает глаз недогляделый
и грива не доплетется
к дублу или же к хитрому медведю дублянному
и воды заодно исчезают в древостое

сушь в ноге человека руке человека
безросы встречи ночью и утром встречи
застольная засуха засуха печная
сушняк из которого саламандра
не несет под дождь белья на просушку
сухостой языка стружки слов ноготь
вросший внутрь слова ноготь и уши
вросшие внутрь слова уши недослышать
голосу подходящие недовольно
пустая коробка с засохшими тлями
вот успехи стихийных бедствий
что вытекают из водного древостоя

сроду не было водного древостоя
прошу извинить перо не топор да уж

Книга Экклезиаста

есть час поднятия век и опускания полога
час накинуть рубашку и стряхнуть грезы
час спящего мыла и полупроснувшейся кожи
час расчесывания волос искр в расческе
час брючин час шнуровки час пуговичек
сейчас зацеп на чулке нацеп очков
час вилки и ножа ста граммов колбаски и яичка вкрутую
час трамвая час кондуктора час полицейонера
час будь здоров и час не прощаюсь
час моркови горошка и стрел лука
томатного супа и вареников с вишней
час завивания горя и развивания запретных скоростей мысли
час билета в кино а то и в никуда
может в реку а может в облако
есть наконец час опускания век и поднятия полога
час до того как и час после того как
година торжества и годовщина утраты
час истекший и надвигающийся
битый час в преддверии

Зеленого леса звери

первая клякса дня
в созвездие сна угодила
вдрогнули сладкие горизонты
вспугнутые пути
чутко встали столбом
мой дом взлетел высоко
земля по курсу раскрытого глаза

это зеленого леса звери
вышли пить воду

желания их светлы и морозны
копыта жестки и чеканны
живут в лаконичном лесу
пьют воду
пьют чистую воду

Тот самый июль

непродуваемы ландшафты
застывающие в гексаэдре
липкие жуки крюки
приклеенные к ромбам воздуха
на дороге размотанной в глину из тени
плоский конь в плуге солнца
по-над ним отец
вымотанный в пот из рубахи
в жаркой ртути полдня
пить стриж пить
в зеркале зноя по пояс

от того самого краснокожего зноя
на голоногой дороге жарко
и по сей день стоя в снегах по горло
я с пятки на пятку переминаюсь

Считанный сохатый

сохатый выжатый
за рог
из ливня
всё выше развивает знаменем
меру поляны
синева плюс пчелы

сосчитан копыто за копытом ухом шерстью
для ловкой ящерицы
хитреца родника
он дамб из серьги горба и шкуры
непреодолимый
в сумме лось неприемлем

но снятый с ног он
не покорял бы своей суровостью
непробиваемой
без сердца из антрацита
не для пчел

итак подсчитанный заново
он полон пространством
и тесным
приютным
знюем

Обороты

настойчивы
земные обороты
день за дном под фанфары
напластовываются на ручку двери
всё с большим трудом сдвигаю полотна
за которыми светопреставленья зверей
цветение птиц
роение деревьев

незадачливо
избравший царство
посреди треснувшей тучи
я переплыву еще сегодня еще
за один оборот

после —
вы только дайте лимонным оленям пить
и птицам есть
они остаются
за полотном двери

Олень

из белого в белое переходят руки
из цвета в цвет перемещаются взгляды

еще мгновение и нас привьют против светлых
и шероховатых

наши лучащиеся черепа всё еще мягкие и малостойкие
зарегистрируют в спектрах планетарных излучений
зависших над картами в их штабах
крик боли и радости матери сделается горой высокой
позлащенным оленем пьющим сусальную воду
во имя муравья и нации присвоят нам имя
которое до конца будет хранить нас от несобственной смерти
наши падкие на афронты пальцы дадут первый такт
будя спящий оркестр вещей во-первых вод и во-вторник
деревьев

над рассеченным нами ореолом блеска и ясного тлена
взойдет край сада тепло ветра острое крыло пихты
крашенная дверь дома
ударит первый слой жизни нам руки взвихрит смешает их
с птицами
могучая колыбель мира вырвет нас из тени ноги

в тень ориона
качнет в наручных часах и в механизме пространства
поднимет лицом к жизни опустит лицом к смерти
наши пальцы падкие зашевелиятся снова и вдрут
симфония вещей онемееет и угаснет
дозреют черепа качающиеся как дети
ляжет в них звук последний жесткий

и лишь олень под горой высокой
всё еще будет на рогах своих позлащенных
баюкать космос наши волосы пером задевая

Сон карандаша

карандаш оголяется ложась спать
он выбирает железно
сон жесткий
и черный

ему в этом в помощь
родовая негибаемость
всех стержней этого мира
его позвоночный стержень
сломается но не согнется

к нему не являются во сне
волны волосы
одни лишь солдаты по стойке смирно
или же урны

всему им исправленному
верить
всё прочее так себе
bonum poste

Урок молчания древа

неслышное древо с музыкой подствольной
в связанное эхо вдальбливает корону
недооформленные вероятные листья
всё скачут с ветки на ветку всё выше
а глухота его под корой пружинит
не окрашена и безотзывна
бездреве противоположна самому древу
звук всё расплзается всё сыплется белками
которые тише умысла ноты
они а не сонм зеленорослых
листьев выводят изнутри это древо

к этому древу из-под земли стремится
фиброзный путь резко полигональный
поэтому плоско скачущие белки
к ветвям вернуться уже не могут
скапливая в себе тщетные скок за скоком
они тихо впрыгивают друг в друга
приумножаясь вес возобновляя
падая вниз в рыжих каплях

тем временем древо обнаженное дважды
вдвойне оглохшее вдвойне без листьев
которое уже невозможно представить
а ведь оно видимо и постольку живо
сбирает перед собой пух беличий рыжий
как и положено древу дважды глухому
и опускаясь на пустое колено
закладывает ржавым пухом деревянные уши

Квадратура лица

квадратуру ее лица нельзя исчислить ни диагональю косынки ни через окружность волос

если даже локон равен квадрату волоса в радиусе тепла лоб по-прежнему окружает неведомая стена мысли

если даже лоб равняется третьей степени скул которую вычли из куба воздушного колебания то щека тем не менее пребывает вне касательной поцелуев

если даже щеки разбить удастся секущей носа то поле щек и поля ромашек полевых останутся разновеликими не говоря уже о поле маков или же горичцветов хотя у меня есть неясное предчувствие сопряженности поля этого лица с теми полями

если даже мы сочтем что прямая носа есть перпендикуляр восставленный к линии диаметров глаз узнаем ли мы как восставали перпендикуляры лучей зрачков против прямой руки и прямого жеста

если даже удастся доказать что щека равняется возведенному в четвертую степень рту минус квадрат его легкомысленного тона то губа остается всё той же неизвестной дробной частью плача или усмешки

если даже допустим мы что губа является произведением одной кровинки умноженной на окружность подбородка то подбородок в целом не станет нам ни ближе ни ощутимей

ахмес советует в папирусе ринда отбрось от диаметра его девятую часть и построй квадрат со стороной равной прочим частям получишь квадратуру круга

знай же ахмес легкомыслящий одна девятая ее волоса способна равняться баобабу или пирамиде в гизе или семи утрам соловьиного пения если только не тремстам тысячам миль плавания под водой или же шапочке красной

по-прежнему неясное дерево у меня за окнами закосневшее в мысли о том что решение лежит вне лица может в траве в капле воды в беге дикого кролика

кто знает не в серсо ли которое девочка перекатила через мою тень оно было найдено птицами летучим комплексом уравнений все квадратуры мира могли уместиться в нем также и мои но девочка стала обручем наброшенным на лицо который даже в одной его тысячной доле не отбросить

развязать косынку под подбородком исправить челочку на лбу возможно это развязка

Наопако

может случиться и так что гребцу не понравится лодка он тут же переворачивает ее килем в воздух и перестает быть гребцом

бывает также что лодка неудовлетворенная гребущим разворачивает его волосоластой вниз и о конкретной лодке никто больше не вспомнит

а когда оборачивает нас земля к ночи прикладывая головы наши то не земля она больше но послушная свирель выпевающая ручьи наших снов

тогда мы это серны на вершине без которых высота вершины лишена всякого смысла

крошечная ракушка на дне моря без которой его размах не был бы реален

ледяной сталактит застывший под черной ресницей африки без которого ее взгляд ни разу не был бы жарок

медная настойчивость крана над которым и под которым нагромождаются водонапорные башни разбухшие и в усилии обретшие облик

гибкая плеть без которой обильным животным телам не до рождений

слепота кротов неотъемлемая у ясновидца

клепсидры полны серн ракушек лодок нас гребцов и ночи сами себе отмеряют время не могущее избавиться от этого достояния как река от своего дна лис от собственного бега

спи стало быть спокойно вот розовый парасоль ночи порастает дождем но непромокаема сухость твоего сна ибо волосоласты гребца смешались с ультрафиолетовым свечением твоей эпидермы а ночь не станет стараться чтобы ты проснулся от чуждых прикосновений

ночь боготворит спящих людей даже их головам отрубленным подчас сна она выделяет наиярчайшую звезду стерилизованную цианидом времени чтобы не заражать повторной жизнью успокоенного белка

люди боготворят спящую ночь если в какую-либо из спящих ночей случается несчастье они хоронят его в себе настолько обстоятельно что даже павлин стоящий в случайной тени не может из нее выйти хоть он и живой и светится с необратимым голосом и незашитым горлом

спите стало быть спокойно и на себя не грешите ты тяжело-столая лодка целуешь легкоустого гребца пора целоваться и с ночью до потери света в часах двадцать четыре антилопы опять повысились на один луг вверх над розовым парасолем уже вырос лес и с первыми грибами неважно что растут они в другую сторону когда-нибудь мы повстречаемся с ними

Во имя смысла

во имя смысла
не мыслишь стеной
одной позы не
мысли гибок
и тверд
без умысла

во имя кота
не рисуй мыши
молока
пышного
хвоста
нарисуй царство
его не от сего
живота

во имя человека
ты ступеньками не
в сапогах
а ступеньками
ты сапогами по
воздуху не топча
ими имени

Порченный конь

невелик в нем смысл
затуманился
и нога его прежде светлая
преломилась
в свете
ног других

хребтину ему повыгнули
по копытную трещину
гнется себе
клеится
не вместе
невроз
не конь

и куда ни плюнь
безлошадное
только лошади
плюнуть некуда

Расписание движения

расписали езду по коням и людям
после по коням и седлам
после по людям и шлемам
после по бабкам ноздрям и холкам
расписано и разложено всё по полочкам
встречных с попутными развели
так долго разводили руками

отнимает теперь такая езда
максимум времени и прос-
а из-за езды этой всё развелось
просыпалось разложилось

Дуб неидеальный

никто не идеален
он затупил
среди девербативов леса
склоняется он ныне и присно
сосной
а если задумает задубеть вновь
то березой

среди различных модулей
строит планы на желуди
тупится
вне парадигмы

будучи принят за стул
стал ближе к идеалу
но не к лесу

Мои ботинки

вытирают об
меня ноги
зато подсказывают
язычками своими
ступням все
ступени

подергаешь за язык
и за голенище
всей кожей почувствуют
что шиты-де лыком
и каши
попросят

пробитые иглой
хитро не кровоточат
сапожничья коррида
и правда

Стоячая туча

не взирая на птиц она встала
обезводила наперекор воде воду
обездравила лес назло лесу
чистой антитезой она стала
влаге шуму полету
никого не ставало на это прежде

руки мои под тучей той несподручны
ноги мои под тучей той несподножны
зрачки мои под тучей той неподвижны
тенью тучи обуяны стало быть
изголодался я да не по хлебу едину
истомился не по реке единой
по туче но томящейся ли неведомо

встала в волосах моих плотно
встала над камнями неумолимо
растоптав чуждую ей тяжесть
себя лишь сочтя весомой

гнулись травы да не по моим рукам
шла дорога да не по моим ногам
текло по-прежнему и всё по усам
хлеб меня объял но не голода ради
река вилась но не жажды ради
тучи ради но алчущей ли неведомо

так стояла на виду невидимая
состояла не из мной виданного
мной же видимо и состоявшаяся
не с руки не с ноги а то и с глаз вон

что стало не из-за тучи стало быть
может что и со страху сталось
из-за леса реки а то и птицы
стало целой рекой и лесом
стало с головы и до самых пят
и светило слово даю солнце

Трудный лес

только вырою его зелень из бурого дола
а он на белизну мою оседает

едва подниму его с колен на сучья
с ног моих сползает

стоит посреди деревьев дать ему голос
на звук моих слов его уронит

соберусь показать ему милых белок
уже ослеплен одним моим видом

ах какой трудный лес его шуму
не вынести моего напора

Утренние двери в сад

что ни говори это двери обводнения влаги
что ни говори это двери углубления рыбы
решения подземных резервуаров

что ни говори это сухие караваны
верблюды нагруженные дровами
под лопаткой на сковородке

кому пламя для обжигания пальцев
кому река головы мыть шампунем
полный рот лимонада
в результате снижения жажды
в результате

что ни говори это двери что вечно потеют
корзины дождя щучьи двери двери магнолий
двери двести водки двери часок прогулки
двери пять хитов двери фиат мультипла
хрустящие двери с земляничным кремом
двери любимый двери любимая двери мой первый
двери моя первая о чем вы собственно
наша древесина верна своему призванию
дождь что ни говори моет грязные руки
рыба действительно плывет
только ее не видно

Переход через красный лес

точнейшим
образом
представь этот лес
сквознейшим
свое тело
в этом лесу
из жил раскрытых
уходящее
многопенно
и точность огня
ради волос помни
как он головы думал
вдоль боков красных
гирлянды с плеч
рвущиеся
с руки легкой
по себе сами
ели просыпались
из рукава
и что ни впадина
в бедрах
буки там по колени
и выше
а стоило отворить
сердечко настезь
как забивали его
ветви плетей
и вот расступилось
до dna тело
перед лесом суровым за
не так чтобы густым

деревом
предпоследним
так глас моисеев
вплыл на глубины
облесенного горла
ради сквозного слова

в лес этот
загибающий
руки горелым пальцам
на ногах головнями
обсыпанными
идут нынче ватагой
ягоды
по детвору

Братья у огня

непосюсторонний дым
нечетко расписывается
у ног
сдувает с себя пламя
сошедшее в угли
потом углем списывает пламя
в пепел
и вот теперь мы равны
братья по пеплу
по времени

спины наши теплом поросшие
по той стороне
что растет со мною

Беседа с Хаммурапи

ты стал находить вкус в языках
люди ими плевались

за око воздавал оком
так чем было воздавать

зуб у тебя не считался зубом
так ведь одно к одному это

так что ж мы болтаем с камнем
в который раз жаль языка мне

так слово перемелется с человеком
в который раз обидно за камень

Опоясывание на дороге

опоясывается
это тело в меня
словно рыцарем
посвящается
до седьмой скорби
самой я ему копия
на поле кожи
гарцюющая
за пятью замками
молниями
оно травит меня
если жарко мне щелкнется
если холодно мне рванется
и хоть славные мне выпали кости
плюснами
в цвете пальцев
хожу ими на босу ногу
мылом булыжным
и пусть лошадь с торбой
как языком слизаны
чу карета
уснула в дереве
без храпа в листья
сим опоясывается
черепом своим
в рыцаря подержанного
с черепа до пятки
куделью
и ворон глаз глазу
одним светом размазаны
дороги зов строг
мечом

Рубка дерева

за топором дерево не
поспевает мыслью
внезапно голо
от оболони
это в первый раз
глядит обоюдотупо
исполянь и вкорь
сук развязный напополам
и еще раз
больше развязок
вязанками
уже огонь ему
мозг проясняет

Подсвечники

светит мелкая береникина коска
как из света ее сплели

безголово что ж искать мари ночи
погасили ее начерно с шеи

кто дает нам подсвечники в дорогу
чтобы ведомо нам было где угасло

кто нас гасит перед самой дорогой
чтобы ведомо нам было что светит

Нагие и живые

дочиста обнаженные воды
наготу не впустят в зеницу ока

там ведь око оком по пояс бродит
оголенное на два луча кожи

тут ведь в шаге по-за веками
нагая толчая сердца

воды глаже развязывают око
око истиннее вод постигает

кто ушел вернее от объятий
от руки рука река от обрыва

у кого от нагости по самые
травы выше вскинуты плечи

Собственность

это мой дождь
бесплощинный безоброчный

это мои волосы
самостийно мокнут

это хромает в небе
частная туча

и мокрая и холодная
личная шея

Ни с какой стороны

во втором ряду кнопок
уселся плащ перед воротом
выше череп застегнут
как бы в третьем ряду
на пряжку лбины
возьмешь в руки вещь
эх бессловесный кто-то
значит кого-то бы на словцо
плащ понадавит на кнопки
не лезла бы золотце в петлю
штанина исполу полы подрубают
откроются от колен и по горло
на самом деле неизвестно покуда
это думаю хорошо для иглы
когда себя хочется пробраться сквозь
и оставить узел на память но
ни с лица ни с изнанки

Нагота

лишь редкой ночью
тело умеет перелиться
в свою наготу
без рук для ручательств
без речи для изречений
ибо является предкасанием плеч плечами
и предшагом стопы в стопу
еще до всяких рубашек и тапочек
является пока лишь предвидением
необходимости глаза
для удержания фронта
в сверкании линзы
и тут поцелуй дается
губами что гораздо глубже
и первым подкатится яблоко
к зубам что не прихвачены костью
тут сердце еще не притерлось
к крови
стоит в инфракрасной зоне
над черенками герани
гребень почесывается наслаждаясь
ванной в барашках гривы
плывущей в узлах мимо времени
заломлена шляпа
на лицевою атаку
затеняет
издали надвигающиеся
ресницы
всё здоровствуется не подавая ладони
ибо они всё еще не поданы
ибо перед самой утробой слышен

детский плач
напоминающий лебедя
спящим скрипкам
только сложенный проще
вдоль смычка
в колыбели

так наго ложится
той редкой ночью
на куче стеганых одеял и шлафроков
во всей расстегнутости
при полных открытостях
без мурмурандо тех вешалок
что челюстями сухими
посреди ночи
держат наши шкуры
за шею
и никому не сглотнуть слюны
ибо нету горла

на этот раз всё иначе
хлещем почти что без глоток
долгий свет зари

Закат телесный

в закатном свете не было ясно
чему научатся нога или туча
может платью без повода ветра
а может телу без облака платья
не надо потакать шее и птице
гнездо доставать краешком глаза небо
надо руками что по воздуху будто из
рукава рукодея тянутся к солнцу
отстегивать землю от туч и кнопок
до самых телесных чулок за лесом
сквозь луч возмущенный стягивая всё что было
ибо время уже целовать вседую
ибо волосы уже полетели за мраком
и лишь вздохи рос под каблуками
и всё закатится за тело за землю
всё глубоко отложится в сторону

Язычная сука

тварь ошпаренная в потеках
крови лижет дверь закрытую
навылет не ищи у твердого ножа
защиты лучше отвори язык ко всем
хребтам угорлым пусть как герпес тлеет
факел схлопнется и немеет в дымке
бедер это воля без пределов уда шомпол в
плоть вколоченный под мышки и сосок
и в теплом рае синай бугра лобкового
а на синае том квашни кровавой клетот
суку в кость язычную связала
твоя цепь разбухшая от крови

Постскриптум

и если кто в смурной своей кровище
ей горло белым ландышем засадит
его к безумцам отнесет водоворотов
кто много хочет ибо ничего не значит

Круг любовного танца

и от любви швырнула платок с волос
затем швырнула волосы за платок
затем то что за волосы могло сойти
затем то что не походило уже ни на что
со всех сторон шеи она на него зашла
затем уже шея зашла по сторонам
затем уже стороны по шею зашли
затем сторонам стало не до сторон
затем уже шеям стало не до шей
веселилась она с тела сорвалась
затем тело она с тела сорвала
затем то что тела не помнить могло
затем то что не помнило уже ничего
она была той же самой его
как не его той же самой была
как не той же самой была уже не его
как не самой была уже не той

Собачья звезда

шесть летних спарж по дороге в эммаус
ленивая суета жара
слова на корм и к восстанию из мертвых
седьмая спаржа на фаланге взбухла
и поднимает лик запотелый
из братских склепов воздушных

собачья звезда в своей тарелке
держит все библии на тлеющих ребрах
эстер лежит не пахнет откуда ветер
что меж ноздрей у него сложен берсеркер
холм обоняния ему знать должно
мол единственная нить между ней
и грехом и есть сиюминутное знание
чистоты ошибся не веет

Волчья кантата

вигилийной кистью мама в занесенном
снегом доме расстилат по столу
закрылок ангела кисейный

волк над этим слоем снега со сведенным
голодом в морозе челюсти облизнет
языком след маминой ладони

в первый раз он всемогущественен в своей ранимости
даю ему колядки он всем телом падает
в страницы книги и поет

несмотря на это веки перепончатые мама
опускает над доверчивыми взглядами
скотинки и не верит в этот вечер

Вечный эмиссар

мать сует мне в рот польский золотый
харон не смотрит плывет и посредине реки
оттягивает мою губу черт что за

но ощущая на горле своем дубовом
лезвие моего дыхания
гребет хоть и спустя рукава о нем велит думать

в момент швартовки к берегу я представляю
что умер чересчур и от этого вздрагивает
лишь одно веко от этого подмигивания он тоже

не ведая что коварно пробует зайти в лоб свингом
балбес пасует перед ударом так откровенно прямым
ну и лета за моей спиной уже из его затылка

отворачиваюсь но мать моя кочевая
уже завернула свои кресты тарахтят где-то
бусы наиконной молитвы проверяю свой золотый

можно замутить мацаю им туда-сюда крайнюю
плоть пространства молчит себе скользко
и я знаю что это перевесит любой обол

Момент с единорогом

единорог света
с рубильником у второго рога
на случай цифрового контакта
кибернетическое счастье оттенка
кожи на отстрел в генетической
пробирке мифа скорее всего
сокращается у водопоя
нужно обнулять представленную
вспышку одночлена

след не оставит
тяжести сережки
испанского воротничка с шеи
пиктографически он
снимет лишь метки
прямые смещения
на нулевой угол памяти
куда оно себя поместило
бестия

Вавилонские поставки мяса

в ночах конями тихими
возы полны кониной
шматы сбочья имперского
к табору внутренностей
идут сквозь не наперерез
одних прибытие до рассвета
других убытие до заката
клепсидра вавилонская
лапшой голодным вешаться
дойти-де было нечему
как за такое время как
по языку оно текло
закусывали кони ведь

в ночах конями тихими
полны возами возчики
имперским сбиты обручем
расплетены нагайками
писать по песку клиньями
пану милсдарю голода
в блицкригах красноречия
они-де тут удержаны
простыми руконогими
ведь кони выбрали одну
а сами третью сторону
хоть ни одну из рук они
из поводов не выпустили
пришлите ж раны конские
чего попить и чем заесть

Надгробная плита. Два ангела

препровождена в рай
вопреки ее неволе
бесхозными ангелами
на вечное обращение
по грехам чье дерево
родовое птицы коснулась
в ее коллоидном пении
памятью моллюска

брошенной ощущаю
себя на чужие колени
в чести своей влекущейся
по коленям моим и в вышних
святости унижения
толкует она правому ангелу
тело свое а левому
отсутствие одного
им же извне пусто внутри
отчего кажется им
лежащая здесь нездешней

Дано на театре

вырванный из сна
стою в окне взаимных прозрений
а ведь не такая уж и темень

на голгофе кончено они уже расчлняют
гору складывают стремянки
сливают старый уксус с копий
соскребают лишайник крови

христос снятый с креста за взятку
собирает гвозди в вуаль вероники
одно светлое нет не будет

оба злодея также живы вот в полуобъятии
воззрились на Магдалину но мало
чего такого лезет в головы
что ее тревожит

предупреждающим жестом у подножья
центурион катит пустую винную бочку
она гремит и встает как бы контур бури

Обращенный свет

если мой плот причалит к солнцу
с минуту помешкаю не оставлю борта
полюбуюсь отсюда на все закаты
светила на его имена и гетеронимы
как вечно бег в гору пот градом
внезапные шпоры в глазу безумный
всадник без крупа секущий в крупе
чужом заточенную ветку досрочной сирени жалостью
распаханная щека кольчуга приказа
в моем строптивом плече заледеневая
нерпа смерти на тех лежбищах славы
что лучше замалчивать как и
выгрызенный лифт братского горла
где крысы свивали гнезда из манифестов
моя собственная рука рвущая чужие нейроны
изыскивающая формулу жизни открытой
в конспиративных силках смерти плаха на аналое
бог в камуфляже с противоголозом долго
снятая рука памяти на эмблеме

вот это всё как раз и было моим обращенным светом
он горел когда гас и гас загораюсь
но патина орд у сердца не устала брать шлюзы
крови за которой я перестал видеть солнце

Киснущий исток

наша легенда об истоке со временем примет знак абсолюта
сам исток при этом закиснет
юный бергман подложит к нему изнасилованную девицу
с расплющенной розой губ
из старой выменной бани
но изнасилованная также скиснет

есть еще время двоеручно прихватив языки
с корнями пустоты их вырвать
пусть логос стоя в кровоточащей ране тела
младенцем в открытой вульве скажет
«исток» и пусть плачет Бог
на покатои вечности из ее кожи

История красной шапочки

спокойно шла по последнему лесу доедая последнего волка
нашпигованного бабушкой под языком облатка свиноты

голожопое быдло собралось стать львом и сплюнув какой-то
хрящик я раскатала губы для продолжения еды хотя покуда
сомнения вызывала грива

но тут лес кончился и рыжая лапа пустыни разгладила
мне насупленные брови явно не желая задеть меня мной

я вдруг забыла откуда шла и куда собралась прийти в каком
месте раскрыть ладонь где я несла космы содранные со спины
зверя чтобы вырвал их ветер и сопряглись еще раз и
навсегда вехи одуванчика родов

Так хочет жить

скользящий по телу
ужик руки для мокрого пламени
запаздывает на длину хвоста
незадолго до мягкого укуса иного рода
где-то ржут до изнеможения
уста жизни полощут где-то
смерть с белой кожей сдается со всей
двусторонностью мясного светила
а пульс сносит наверх кровинки
затем у виспы выводок клеопатр
стирает кальсоны своим антониям
мужские выползки спят в бурьяне
ветер в зрительном тракте прядет
паутину и как можно деликатнее
прикрывает рот предупреждая название
места на земле которое так хочет жить

Гашение сатаны

от плевел из заповедей белые хлеба для неба
черные для ада вот и нет аппетита
одним языком на два разные вкуса
святость заслонилась от осуждений
дедушкин дымок на губах рос свободно
в воскресенье курился вверх а вниз в субботу
как было подано всем на живую нитку:
святые сбрасывали с себя килограммы статуй
ведь сатана заядлый в неф входил
тем что искал он Бог гасил его

Будь осторожен

будь осторожен насаживая себя
на претворенную в ненависть любовную розу
будь осторожен при введении языка
в кончик шипа в серой раневой ткани
будь осторожен без каких-либо шансов
на добротный забой и добротное воскрешение
оттого я и говорю тебе будь осторожен стой
подальше от себя особенно на перепутье
в миг когда ты видишь как один ангел
заходит в четыре эммауса сразу
магдалину бери бесполо за чистое бытие
кто знает что там в ней коконное такое
я проворачиваю свой язык еще раз:
когда съешь принца будь осторожен

Чайка

посреди дождя кричащая о
валах чайка во мне отправляла
некую забытую морскую жестокость

за моей спиной лорд джим в дым
пьяный снова просил меня о повторе
истории моего отца-водолаза о тысячах
людей утопленных во время штурма
в устье невы под залпы авроры

когда я извлекал расческу и присобирая
пряди ветра неспешно начесывал их на темя
глядя поверх глаз джима твердил что это
девушка с распущенными волосами что
несмотря на смерть росли снизу и всё
солнечнее в сторону его пьяной бригеллы
и мертвая она танцевала прекраснее
чем какая-либо из до сих пор живущих
с тяжелым камнем на ляжке воздушной
джим вдруг разбил бутылку и прынул в море
и кричала чайка о вале девятом

Только улыбнись

мертвого береника пора причесать
удавился твоей косой аккуратно
чеши ты ведь и сама на волосок от смерти
рукой води прозрачно как будто
делаешь это в туманностях амантов
не дай своему гребню слабнуть как
раскрытым прежде времени бедрам
вычеши с волосами жесты они мертвы
в края полночные выбирался в полночь
и в полдень в полуденные кремом
упожи ему на пробор между его
закатной бурей и ураганом рассветным
между самумом и трепетанием бурана
между крошкой хлеба и застольем лукулла
не позволяй голове обходиться без рук
а рукам опять-таки без головы
не умащай его бальзамом с кусочками жизни
не надо спеси попроси мертвеца чтобы
помог тебе с укладкой этих волн
волос и происшествий и после смерти
он это сделает только улыбнись

Тимотеуш Карпович^{*)}

Живые измерения (1948, Щецин) *Żywe wymiary*
Горькие истоки (1957, Вроцлав) *Gorzkie źródła*
Каменная музыка (1958, Варшава) *Kamienna muzyka*
Знаки равенства (1960, Варшава) *Znaki równania*
Во имя смысла (1962, Вроцлав) *W imię znaczenia*
Трудный лес (1964, Варшава) *Trudny las*
Обращенный свет (1972, Вроцлав) *Odwrócone światło*
Подкорные слою (1999, Вроцлав) *Słoję zadrzewne*

Отдельные стихотворения кочевали из сборника в сборник: не на правах переиздания, но как «живые измерения», контекстообразующие единицы. Переводчик не приводит более полной библиографии, равно как развернутой биографии автора, руководствуясь его же словами: «Самое удивительное что это именно те короли которых не было но которые еще будут Назови я вам их имена — они ни на йоту не сделаются для вас понятней» (*Границы бесконечности*). Прежде всего, переводчик сам не понимает всего до конца, не знает «горьких истоков». Что не самое удивительное, поскольку и польскими исследователями «каменная музыка» Карповича пусть даже плотно, но довольно формально исследована; не на глубину «подкорных слоев» — в отличие от Чеслава Милоша или Збигнева Херберта, например. Конечно, Милош — поэт-лауреат, зато Карпович — *автор одного*

из последних великих поэтических проектов XX века, т. е. поэт породы Эзры Паунда, если позволено будет так выразиться. Его *Обращенный свет* — своего рода *Cantos* (а смысл *Cantos* прежде всего в том, что они есть — без них было бы значительно хуже), и без определенного фундамента, сваи которого должны, вообще говоря, вбиваться на территории его «трудного леса», т. е. его родного языка, попытки переводить Карповича так и останутся лишь попытками, не претендующими даже на приблизительные «знаки равенства» с оригиналом; впрочем, «во имя смысла», необходимыми.

*) Переводчик настаивает на постепенном переходе (если таковой вообще случится) от Тимофея к Тымотеушу (Tymoteusz Karłowicz). Кроме того, переводчик не различает на письме «муку́» и «му́ку», полагая — возможно, ошибочно, — что иного искушенного читателя подобные подсказки могут раздражать не менее, чем постановка двух точек над вторым «е» в слове «ее».

Русский Гулливер

планирует выпустить в серии

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА

книги

Игоря Белова, Чарльза Бернштейна,
Сигитаса Гяды, Халины Посвятовской,
Збигнева Херберта, Джона Эшбери

Русский Гулливер

планирует выпустить в серии

БРАТ GRIMM

книги

Бориса Бартфельда & Кшиштофа Шатравского,
Петера Вебера, Станислава Винценца, Сергея Михайлова,
Щепана Твардоха, Зигмунта Хаупта, Аншлага Эглитиса

www.gulliverus.org; www.gvideon.text.express

По поводу покупки книг звонить:

+7 (905) 575 41 03

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Cherry Pie
112114 Москва, 2-й Кожевнический пер. 12